

МИФОТВОРЧЕСТВО В РОМАНЕ ЧИНУА АЧЕБЕ «И ПРИШЛО РАЗРУШЕНИЕ»

А. А. Карпиевич

Белорусский государственный университет, г. Минск;

karpievitch004@gmail.com;

науч. рук. – А. М. Бутырчик, канд. филол. наук, доц.

Доказано, что мифотворчество становится нарративообразующей идеей в романе Ч. Ачебе «И пришло разрушение». Обосновано, что традиционная история о восстании против доминирующей системы модифицируется в принцип, формирующий национальную идентичность, создающий литературный канон и отражающий антинормии гибридного общества. Исследовано, как писатель задает магистральный сюжет будущего постколониального дискурса посредством аллегоричности героев и символов. Роман можно рассматривать в качестве национального мифа, предопределившего развитие нигерийской литературы.

Ключевые слова: мифотворчество; гибридная идентичность; универсализм; амбивалентность; нигерийская идентичность; национальный миф.

В мировой культуре существует определенное количество схем и паттернов, благодаря которым моделируется парадигма национальной идентичности. Распространенными схемами являются образцы, затрагивающие гассетовские массы и конструирующие из коллективного конкретно-субъективное: нарративизация исторического прошлого, рефлексия языка, и секуляризация сюжетов в структурные единицы [4, с. 11]. При этом основным способом ритуализации мира остается миф и мифотворчество как феномен отражения абстрактных идей через ряд знаков. Необходимость в символизации повседневности вызвана, по мнению психоаналитиков фрейдистского толка, «невротической конституцией личности» [3], а юнгианцы называют первопричиной «компенсаторные механизмы бессознательного» [2]. Можно заметить, что на периферии обоих мнений находится важное сходство: источником является иррациональное, неизбежно возникающее в исходной точке. Поэтому миф служит средством упорядочивания архаического хаоса явлений, первичного структурирования реальности за счет, как отмечает Ролан Барт, семиотизации действительности, то есть ее диссоциации на форму и концепт (часто суггестивный) [1]. Основной функцией мифа является утопическое сохранение целостности общества, его реорганизация, подчинение воли индивидов и формирование единых эталонов мышления.

Как было отмечено выше, мифотворчество становится важным средством при формировании национальной идентичности. Эта тема возникает в литературном дискурсе с развитием идей постколониализма и их проецированию на словесность субальтерных народов. При этом фольклорная и этническая оптика снимает противоречия, вызванные европо-

центричной методологией, и открывает для исследования новые экзотические вариации мифов. Архетипичность последних, приведшая западную культуру к модернистской ремифологизации, сталкивается с новыми реалиями и позволяет говорить об универсализации сюжетов со спецификой изучаемой народности. Облачение мифов в литературную форму становится важным этапом в нанесении национальной идентичности на глобальное культурное полотно. В рецепции западных исследователей постколониальные произведения превращаются одновременно

и в образцы самобытности, и в проводники магистрального сюжета о восстании угнетенных масс.

Поэтому необходимо иметь четкое представление о роли мифотворчества в ранних книгах писателей, начало творческого пути которых совпадает со стартом осознания национальной идентичности. Одним из авторов, чьи произведения задают генеральное развитие литературы бывшей колонии, является Чинуа Ачебе (*Chinua Achebe, 1930–2013*), чей роман «И пришло разрушение» (*Things Fall Apart, 1958*) представляется отправным пунктом в генезисе новой нигерийской культуры. Отчасти популярность книги не только в африканском обществе, но и за его пределами, связана с мифотворческим умением писателя представить события ранней истории страны – на сломе эпох после европейской интервенции –

в качестве полуфольклористского исследования. Последнее представляет модификацию классического нарратива о малом и большом восстании (внутри семьи и общества) и создания новой, литературной мифологии Нигерии, базирующейся на верованиях и обычаях племени игбо.

Выбранная Ч. Ачебе оптика позволяет развернуть нарратив Оконкво, сурового и мужественного воина, вынужденного из-за своей жестокости жить в изгнании семь лет и пропустить европейское вторжение на земли игбо, на плоскость универсального сюжета о первичном принятии идентичности и национальности. Если до прибытия чужеземцев в разрозненном племенном обществе не возникает нужды в иерархии, то новый порядок обязует наличие главенствующей структуры. Европейцы самостоятельно насаживают устои западной цивилизации будущим нигерийцам; при этом миф используется в качестве основного рабочего инструмента: миссионеры обращают в христианство многих местных жителей, привлекая их необычными рассказами о единстве Бога. Создаваемая культурная парадигма представляет палимпсест, так как чужеземцы поверх существующих установок, без стирания прошлого фольклорного и этнического опыта, формируют единую доминирующую структуру. Оконкво, воплощающий африканскую аутентичность, имеет классическое миро-

воззрение и не согласен с христианскими модусами, которые привлекают многих соплеменников, в том числе, родного сына. Он совершает сожжение церкви, бунтуя против навязываемого вероисповедания – это глубоко библейский мотив, восходящий к ветхозаветному поклонению фальшивому идолу [5, р. 206].

Сюжеты и символы западной культуры в романе переплетаются с мифологией африканских племен, трансформируясь в гибридный сплав, и тем самым создавая неожиданные пересечения. Сюжет о жертвоприношении сына (необходимо убить приемного ребенка Оконкво без прямого участия последнего, но он не повинуетя и наносит смертельный удар [5, р. 86]) модифицируется в первопричину проклятия, которое, согласно местному оракулу, боги накладывают на мужчину. Здесь намечается определенная инвертированность библейского мотива, позже возникающая в рецепции многих европейских культурем. Так, саранча, нападающая на посевы племени, помимо прямой ассоциации с предсказанием появления иноземцев, которые захватят культуру, рифмуется с другой интерпретацией: для игбо эти насекомые – новый источник еды, нашествие гнуса не означает для племени отсутствие жизни, наоборот, это праздник плодородия и благополучия [5, р. 54–56].

Важной идеей, прослеживаемой на протяжении романа, становится понятие судьбы, или рока. Внешним глашатаем воли богов, как отмечено выше, является оракул, который фактически оказывается хранителем традиций племени, мудрым человеком, эмпирически способным предсказать грядущие события. Внутренний фиксатор предопределенности – это чи, воплощение души человека, личный бог. Каждому чи заранее предначертан жизненный путь, по которому дух старается вести хозяина. Рок как движущий механизм трагедии в европейской культуре прочно ассоциируется с древнегреческими трагедиями, поэтому схожие мелодии слышны в романе: сыноубийство, изгнание, катарсический пожар, безысходность главного героя. Но нужно помнить об обратной рецепции этих мотивов, обязанной специфике африканского мировоззрения. Большинство этнических, то есть не тронутых европейской культурой, символов

в романе связаны с анимализмом и служат индикаторами пересечения двух цивилизаций. Так, интересна фигура Еноха, религиозного фанатика обеих вер, прошедшего обряд крещения. А его посвящение в игбо протекает после того, как мужчина отрубает голову священного питона и съедает ее, обозначая, таким образом, новый этап развития духовности [5, р. 165].

Синтез африканской мифологии и классических сюжетов западной цивилизации приводит к созданию мультикультурного нарративного

полотна, которое символизирует новую эпоху в развитии нигерийской культуры. Глобальный замысел писателя прослеживается в намеках на притчевость истории, комбинирующей элементы древнегреческой трагедии, романа о конфликте двух цивилизаций и экзотических рассказов. На последние указывает фрагментарность повествования, обусловленная двумя причинами: прагматической – чтобы нигерийцам было проще читать произведение, и композиционной – отдельные истории племени игбо из нелинейного нарратива формируются в широкую картину, фиксирующую плеяду моментов будущего национального мифа. Европейскую интервенцию в процесс генерирования идентичности легко отследить и на уровне языка. Ч. Ачебе осуждают за создание первого канонического нигерийского романа на английском, хотя писатель называет решение осознанным использованием привычного инструментария [6, р. 2]. В романе язык игбо вытесняется из разговорной речи и заменяется английским, на котором приходится разговаривать коренному населению. Это свидетельствует о проникновении европейского желания к упорядочиванию на уровень мифотворчества, затрагивающий архаическую схему, исторически ассимилированную массами.

Таким образом, можно заключить, что мифотворчество становится нарративообразующей идеей в романе Ч. Ачебе «И пришло разрушение». Традиционная история о восстании против доминирующей системы модифицируется в принцип, формирующий национальную идентичность, создающий литературный канон и отражающий антиномии гибридного общества. Писатель задает магистральный сюжет будущего постколониального дискурса посредством аллегоричности героев и символов. Если проводить метаисследовательские параллели, то роман можно рассматривать в качестве национального мифа, предопределившего развитие нигерийской литературы.

Библиографические ссылки:

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 128–130.
2. *Каган М. С.* О структуре мифологического сознания // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре: сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича / Серия «Мыслители». Вып. 8. Издательство Санкт-Петербургское философское общество, Спб: 2001.
3. *Мишурков А. А.* Специфика и функции мифологического сознания. Оренбург, 2000. № 6 (24). С. 87–101.
4. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: Академический проспект, 2010.
5. *Achebe Ch.* Things Fall Apart [Digital resource]. URL: <https://cutt.ly/Jve5XYM> (date of access: 13.04.2021).
6. *Sickels A.* The Critical Reception of Things Fall Apart. URL: <https://cutt.ly/fvh0tr0> (date of access: 16.04.2021).